

Поэт. Живет в Санкт-Петербурге (Россия).

Дмитрий КОЛОМЕНСКИЙ

СТИХИ

Ульянка

Нас выжали из центра, чтобы там
Вольготней было львам, коням, мостам,
Решеткам и садам – им стало тесно.
И было решено, что час настал,
А что за этим следует – известно.

Мы поселились в городе другом:
Название, правда, то же, но кругом
Трамвайные развязки и хрущобы,
Где стены пробиваешь кулаком
В порыве злости и тоски. Еще бы,

Ведь мы никто – не бронзовые львы,
Не сфинксы с башней вместо головы,
Не монстры, догрызающие цепи
На Банковском мосту, не рябь Невы,
Не эрмитажные разводы сепии.

Мы прах и тлен, белковые тела.
А потому судьба нас загнала
Тянуть аллегорическую лямку
В черту многоэтажного села,
А именно – на самый край Ульяновки.

И здесь, в зеленом солнечном краю,
Я города совсем не узнаю
И вижу из окна отнюдь не площадь,
А блочные дома, универмаг...
Мир стал понятен, прагматичен, наг.
Мир стал квадратней, абсолютней, плоче:

Расчерченный на клетки, типовой,
Он шелестит у нас над головой,
Он ближе к нам, почти что вровень с нами.
Грамматика бледнеет, дом скрипит.
И даже тот, кто спит – всего лишь спит,
Храпит, нисколько не прельщаясь снами.

Мы проживаем в средней полосе –
Вдали от Петербурга. Мы как все.
Но летней ночью, за окошком видя
Не мрак, а тусклый сумрачный хрусталь,
Читаем без лампы, смотрим вдаль,
Молчим и забываем об обиде.

* * *

Боже, помилуй Макса Жакоба –
выкреста, выскочку, иезуита!
Если бы ты захотел, то легко бы
вывел его из тюремного мрака,
подсократив население барака
на одного пожилого пиита...

Макса Жакоба ведут под конвоем...
Но для тщедушного арестанта
двое конвойных – излишество. Двое! –
где же хваленый немецкий порядок?

Масса охраны к массе субъекта –
и получается цифра, константа.
«Так экономятся силы наряда
при исполнении», – думает некто –
тот, кто решил в земляную утробу
вбить в числе прочих Макса Жакоба.

Переиграем – на хилого Макса
нужно всего половину солдата:
то есть, сапог, полыхающий ваксой,
руку и в ней – рукоять автомата,
рот, чтоб кричать «хендехох!» – все в порядке!
Вот они шествуют улицей оба:
Макс и сапог-«хендехох!»-рукоятка.
Так конвоируют Макса Жакоба.

Тело есть храм – известное дело.
Задрапированный тканью в полоску,
словно леса для ремонта надел он.
Но истлевают балки, стропила...
Стал Макс каким-то ненужным и плоским:
мелко дрожит неустойчивый купол,
жаждой каморку рта затопило.
Выглядит Макс безнадежно и глупо:
гвозди не держат, трещат половицы,
лагерной пылью пространство клубится,
швы протекают, расходятся скобы....
Так разрушают Макса Жакоба.

Сорок четвертый бьет, как чугунок.
Что ему Макс – гнилая временка?
Так что, когда из защитного кунга
выпрыгнет воин-освободитель –
оптимистичный, как гамбургер, янки –
Макса не будет нигде. Обойдите
все города, все дороги, все тропы –
вы не отыщете Макса Жакоба.

Макса Жакоба – монаха, паяца,
полухудожника, полупоэта –
Боже, помилуй! Не надо бояться
сплетен, оценок, критической дури...
Небо над Францией чистое – нету,
кроме разводов берлинской лазури,
в нем ничего. Никого нету, кто бы
взял и помиловал Макса Жакоба.

* * *

И все-таки вновь возвращаюсь туда,
в ту местность, где все, что не камень - вода
а что не вода - значит, камень;
где, выползши медленно из глубины,
на отмели хмуро лежат валуны,
ныряя в волне поплаватками.

Здесь небо пропахло болотом, и лес
со скал, словно кожа змеиная, слез -
по пояс в холодные мхи, и
здесь рыба, гуляя в речной полумгле,
в дожди вылезает бродить по земле,
не чувствуя смены стихии.

Здесь можно кричать, но, скорее всего,
подавишься криком, как ветреной згой -
лишь эхо откликнется глухо
в том смысле, что в здешнем сосновом рядке
звук тонет быстрее, чем камень в реке,
и зрение надежнее слуха.

Смотри - и увидишь тяжелый налет
багровой брусники по краю болот
и то, как контрастней и суше
становится к осени берег, когда
светлеет пятном оловянным вода
на фоне коричневой суши.

Смотри - этот резкий предзимний покой
по контуру неба неверной рукой
очерчен так зло и зубчато,
что глаз, зараженный пейзажем, потом
легко реставрирует штрих и пантон
и долго хранит отпечаток.

Пожалуй, закончим. Пожалуй, уйдем:
язык набухает, как мох под дождем.
Теряю дар всяческой речи:
здесь речь инородна, здесь слово - фантом.
Брожу отрешенно с разинутым ртом -
и нечего молвить, и нечем.

[Страница в Сети](#)